

Скажу одно: никакая компьютеризация школы не возместит нам того страшного духовного ущерба, который наносит нынешнему поколению школьников отлучение его от литературы. Потому что самое совершенное овладение точными науками, к сожалению, не делает человека более нравственным. А что может быть страшнее знания, отделенного от морали?

Таковы некоторые мысли, появившиеся у меня при чтении ваших писем. Мысли, которыми я хотел сегодня здесь с вами поделиться, потому что они дополняют прежние мои выступления в газете и по радио, и я думаю — в известной мере отвечают на заданные мне вопросы.

Хочу от души поблагодарить всех моих слушателей, проявивших интерес к затронутой теме. Потому что, мне кажется, она действительно этого заслуживает.

ЕЩЕ РАЗ О ТОМ ЖЕ САМОМ (1988 г.)³

О перестройке становится трудно говорить, потому что о ней говорят все. К публицистике неприменим закон трудности первого шага — нашему брату, напротив, легче бывает поднять новую тему» нежели толково высказаться о том, про что уже сказаны и написаны миллионы слов.

И все-таки говорить о перестройке надо, ибо это в самом деле вопрос вопросов, поистине наше сегодняшнее «быть или не быть». Быть так, как мы были до сих пор, уже нельзя — не выйдет, даже если бы и захотели, если бы вся страна (да простится мне столь оскорбительное предположение) прониклась вдруг тоской по старым недобрым временам, когда народ беспрепятственно спивался, а его слуги разворовывали республику за республикой, получая за это золотые звезды.

Мы попросту перестали бы быть великой державой, продлись еще несколько лет то, что сегодня эвфемически именуется периодом застойных явлений. Проблема перестройки есть, без преувеличения, проблема выживания на-

³ Из архива Ю. Г. Слепухина (прим. ред.).

рода и государства — в данном случае эти два понятия неразделимы.

Когда думаешь о перестройке, прежде всего думаешь о том, что ей мешает. Мешает, к сожалению, многое — от активного (хотя и тщательно скрываемого) противодействия оппозиции, шкурно заинтересованной в провале реформ, до неумения действовать тех, кто и хотел бы помочь что-то наладить, но давно разучился это делать. Неумение работать давно стало нашей национальной бедой, отсюда и безрадостность работы, равнодушие к ней. Я говорил об этом в своей радиопередаче о роли человеческого фактора в экономике; пожалуй, ни один из моих романов не вызывал столько одобрительных откликов, сколько вызвало это получасовое выступление. Народ понимает: да, работать мы разучились, поэтому и не приносит радости труд, ставший постылой повинностью. Какая уж тут радость, коли сам видишь, что все через пень-колоду...

Главный же, мне думается, тормозящий фактор — это огромна гражданская инертность, накопившаяся за годы, когда гражданину дозволялось лишь единогласно одобрять и единодушно поддерживать.

Мы с тревогой замечаем, что молодежь утратила активную общественную позицию, но не всегда готовы признать свою долю вины. Разве не мы — старшие — позволили довести страну до кризиса? Есть ли у нас моральное право требовать от наших детей той гражданственности, которой так постыдно не хватало нам самим?

Право это мы получим лишь в том случае, если успеем в отпущенный нам срок хотя бы начать исправлять то, что натворили. Тогда, и только тогда, сможем мы со спокойной совестью завещать им продолжение работы по национальному возрождению.

Это будет исполинская работа, невообразимо трудная и долгая. Говорят, дерево срубить — пять минут, а вырастить — сто лет; но все равно, какой бы неподъемной ни казалась стоящая перед народом задача, ее надо решать, набравшись ума, сил и терпения. Сейчас еще не поздно, еще есть реальная возможность что-то сделать, получить хотя бы первые ощутимые результаты; народ хочет перестройки, и не просто

хочет — жаждет ее, как жаждет ливня спаленное долгой сухой поле. И народ верит в то, что перестройка возможна и осуществима. Но если она застопорится, если обещанные дела снова — в который уже раз! — обернутся пустословием, вот тогда станет поздно. Потому что тогда уже народ не поверит больше никому и ничему.

Таковы общие соображения по теме, а теперь перейдем к более конкретным частностям.

Аспект перестройки, который ближе всего затрагивает нас, пишущую братию, есть аспект нравственный. Аспект перевоспитательный, если угодно. Насколько вообще литература (всякая, включая и публицистику) способна сегодня воспитывать, а тем более перевоспитывать, я судить не берусь. Вероятно, возможности ее в этом плане ограничены, но каковы бы они ни были, использовать их мы обязаны до конца и в полную меру отпущенных каждому сил.

Кстати, об ограниченных возможностях. Еще в начале века, как известно, они ограниченными не были — писатель располагал несравнимо более узкой аудиторией, но все образованное общество жило под постоянным мощнейшим воздействием печатного слова. И не только потому, что еще жил Толстой. Умами властвовали и писатели совсем иного калибра, вспомним хотя бы не совсем уже нам понятную громадную популярность Леонида Андреева.

Что же произошло с тех пор? Казалось бы, расширение читательской аудитории должно было в той же пропорции усилить и влияние литературы, но этого не случилось. Авторитет слова упал, писатель начал утрачивать духовную власть над обществом. Определенную роль сыграло здесь появление отвлекающих факторов — кино, радио, потом телевидение — но, думается, не они подорвали позиции литературы.

Она сама сдала их, утратив присущее ей когда-то гражданское мужество, превратившись при Сталине в послушный и не имеющий собственного голоса инструмент тирании. Позволю себе здесь одно воспоминание из детства. Году в тридцать пятом — я учился, кажется, во втором классе — отец привез из Москвы большую кра-

сивую книгу в светло-сером тисненном переплете, которая называлась «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» и долго потом отвлекала меня от домашних заданий — столько там было картинок, портретов и увлекательнейших рассказов про вредителей, воров, ударников, я уж не помню кого еще; а историю этого удивительного фолианта мне довелось узнать лишь много лет спустя. Весной 1933 года было завершено строительство Беломорканала — первый опыт массового использования труда заключенных в народном хозяйстве; летом поездку по каналу совершила большая группа писателей, и уже в следующем году вышел в свет роскошно изданный сборник — в числе 36 авторов этой апологии концлагерных методов «перековки сознания» были почти все ведущие советские прозаики того времени...

Вспоминать сегодня об этом стыдно и горько, но это часть нашей общей истории, от нее никуда не деться. Ее надо помнить, чтобы до конца осознать — в каком неоплатном долгу перед народом мы, принадлежащий к тому же цеху, и сколько нам теперь предстоит сделать, чтобы смыть с литературы позор недавнего прошлого.

К счастью, это уже делается. Начался великий процесс реабилитации слова — я, понятно, употребляю этот термин не в юридическом, а скорее в медицинском смысле, как выздоравливание, возвращение к нормальной жизнедеятельности; мы учимся говорить правду, как заново учится ходить человек, вставший на ноги после долгой болезни. Это начало естественное и закономерное, ведь правда — это основа основ нашего ремесла, это фундамент, на котором стоит творчество; и если нет правды, нет опоры на жизнь, то все оно повисает в воздухе, превращается в пустой и лживый мираж. Сколько лет мы сами бездумно поставляли недругам убийственный материал для обвинений и злорадных насмешек!

Сегодня им уже тут не поживиться. Я имею в виду не только журнальные публикации последнего года — литература начала перестраиваться задолго до того, как перестройку провозгласили общенародной задачей. Это факт огромного значения: впервые за много лет писатели снова

заняли положенной им место впередсмотрящих. Абрамов и Трифонов заговорили о неблагополучии общества в самый глухой период «застойных» семидесятых годов, когда крамоллой считалось беглое упоминание о пьянстве, о коррупции, об административно-ведомственном произволе. Если правда сумела пробиться сквозь такие препоны, из-под таких железобетонных запретов, она и в самом деле непобедима.

Это дает нам основание смотреть в будущее с доверием и надеждой. Такие общественные процессы, как наша сегодняшнее перестройка, попросту необратимы — как необратим ход Истории.

Было бы, однако, ошибкой сделать вывод, что беспокоиться больше нечего. Остается еще вопрос сроков, а это очень серьезный вопрос, потому что вся накопившаяся в общественном организме гниль тоже ведь имеет определенную динамику развития, она растет и размножается, приспособляясь к новым условиям. Пока ее выжигают с одного конца, она ползет дальше на другом, начинается своеобразное соревнование в темпах — кто кого опередит.

Поэтому так важно выдерживать ровное поступательное движение перестройки. Малейший сбой немедленно используют ее противники в своих целях — так же, как пытаются использовать и каждый успех, принимаясь нашептывать о «несвоевременности», о «необдуманной поспешности», об опасности неких «непредсказуемых последствиях». И не случайно мишенью для нападок, открытых или завуалированных, чаще всего оказывается принцип гласности — главное условие перестройки в том аспекте, о котором мы сейчас говорим, т. е. перестройки общественной нравственности.

Этот вопрос особенно наглядно проявляет все двуличие противников нового курса партии и народа. Шкурники до мозга костей, равнодушные ко всему кроме собственного благополучия, с каким неподдельным пафосом говорят они теперь о принципах социализма, об устоях нашего общества, которым-де грозит опасность со стороны безответственных болтунов и ниспровергателей! И пафос их действительно неподделен, им действительно страшно — не за принципы, которые они сами цинично втапывали в грязь, а за ту

атмосферу лжи и круговой поруки, что много лет служила им питательной средой.

Реальная опасность социализму грозит сегодня именно с этой стороны: со стороны тех, кто пытается и долго еще будет пытаться сорвать процесс оздоровления социалистического общества. Надо трезво учитывать, что здесь мы еще очень и очень уязвимы, мы еще слишком во власти затверженных лозунгов и шаблонных представлений; достаточно объявить самое полезное начинание политически сомнительным, как мы сразу настораживаемся — а вдруг и в самом деле? После чего безотказно срабатывает выверенный механизм защиты; любой ведь чинуша знает, что лучше перебдеть, чем недобдеть, и куда безопаснее чего-то не сделать, чем сделать что-то не так.

С какими абсурдными трудностями встретилось, к примеру, проведение в жизнь закона об индивидуальной трудовой деятельности, сколько пуганых ворон увидело в нем посягательство на нашу идеологию, чуть ли не на все наши завоевания со времен Октября! Что же тогда говорить о гласности? Это ведь и в самом деле инструмент острый, просто бывают положения, когда уже не обойтись компрессами да примочками.

Вот почему скрытые удары по перестройке долго еще будут следовать именно на этом участке, и именно здесь особенно опасно любое отступление от намеченного курса. Уже сейчас слышатся голоса: «хватит разоблачений, хватит отыскивать в нашем прошлом одни лишь темные пятна, хватит смаковать сегодняшние недостатки, надоело это мусорокопательство...» — в принципе они не против гласности, нет, но нужно же знать меру, нельзя же посягать, нельзя же крушить авторитеты!

Призывы к умеренной гласности и есть самое опасное, потому что отклик они найдут у многих — в том числе и у тех, от кого еще зависит пока темп перестройки. Номенклатурные тунеядцы, мечтающие досидеть в своем кресле до персональной пенсии, выдрессированные горлитом издатели, которым сегодня так не по душе «вся это сундучная литература», да наконец просто равнодушные — они, конечно же, за гласность в рамках умеренности. Но «умеренной

гласности» быть не может, это такой же вздор, как булгаковская «осетрина второй свежести», гласность либо есть полная, либо ее нет никакой.

Излишне пояснять, что ни один разумный человек не понимает под гласностью свободу болтать что угодно и о чем угодно. Гласность — это свобода информации (исключая, понятно, государственные тайны) и свобода обсуждения фактов. Гласность — это когда народ знает, что делается в стране и за ее рубежами, и когда он имеет возможность свободно высказывать свое мнение по поводу событий внутренней и международной жизни. Наконец — последнее, но отнюдь не наименее важное — гласность есть неотъемлемое право народа знать свою историю без умолчаний и стыдливых недомолвок.

По этой части у нас неблагополучно. Спустя сорок лет, поколение невоевавших не знает всей правды о том, какой ценой была добыта Победа. Мы имеем весьма смутное представление о драматическом предвоенном периоде. За семью печатями остается великая трагедия нашего народа — принудительная коллективизация 1930–31 годов, когда был сломан становой хребет крестьянства и началось то отчуждение человека от земли, которое мы сегодня пытаемся преодолеть с таким трудом.

Обо всех этих фактах нашей истории можно судить по-разному. Коллективизацию кое-кто до сих пор склонен оценивать только положительно, хотя и признает, что да, были и перегибы, и ошибки, но кто, мол, не ошибается. Разноречивы оценки роли Сталина в войне, особенно на первом ее этапе; одна картина складывается, скажем, у тех, кто читал публиковавшиеся в начале шестидесятых годов воспоминания Баграмяна, Малиновского, Сандалова и других наших военачальников (в частности, в «Военно-историческом журнале»), и совершенно иная — у читателей вышедших позднее романов Дангулова, Стаднюка, Чаковского. Это закономерно, у каждого автора могут быть свои симпатии и свой взгляд на вещи. Плохо другое — до недавнего времени взгляды определенного круга лиц делались обязательными для всех, исключая возможность открытой полемики.

Нельзя допустить, чтобы подобное повторилось! Истина рождается только в спорах, ее еще никому и никогда не удавалось декретировать сверху.

Уже сегодня, благодаря двум лишь публикациям — «Котлована» и «Детей Арбата» — молодой читатель, до сих пор практически ничего не знавший о нашей действительности начала тридцатых годов, будет иметь о ней ёмкое, разностороннее представление, сможет лучше разобраться в последовавших за тем перипетиях нелегкой отечественной истории. Неужели кто-то от этого в проигрыше?

А ведь наверняка эти произведения — как и другие, только сейчас доходящие до читателей, — наверняка они пробились с трудом, преодолевая бешеное сопротивление консерваторов. Как отрадно, что мы наконец поняли простую вещь: любые запреты свидетельствуют лишь о слабости запрещающего, о его неспособности отстоять свои убеждения в открытом споре. Сильный не боится ни спорить, ни признавать собственные ошибки.

И вот еще какого аспекта гласности хотелось бы мне коснуться — как автору с отчасти «международной» тематикой. При встречах с иностранцами убеждаешься, насколько глубок на Западе интерес к происходящим у нас переменам, и это понятно — для них вопросом номер один остается вопрос о пресловутой «советской угрозе», а следовательно и вопрос о том, насколько мы искренни в своих миролюбивых заверениях, насколько нам можно доверять. Для нас эта проблема выглядит надуманной, но надо понять и их, живущих под постоянным воздействием антисоветской пропаганды.

Один из участников советско-американского семинара «Социальные изобретения для третьего тысячелетия», проходившего в Москве этой весной, говорил мне, что в США многих настораживает явное противоречие между действиями советского правительства, направленными на смягчение разногласий между Востоком и Западом, и тенденциозным, резко анти-западным тоном высказываний советских средств массовой информации.

К таким замечаниям стоит прислушаться — особенно, когда они исходят от активистов борьбы за мир, относящихся

к нам с симпатией и доверием. События международной жизни действительно освещаются у нас порой крайне предвзято, вопреки очевидным фактам. В частности, это касается освещения конфликтных ситуаций с участием НАТОвских стран и стран третьего мира.

Ограничусь одним примером. Всем известно, что недавний конфликт из-за Фолклендских (Мальвинских) островов начался с высадки аргентинского десанта на территорию, уже полтора десятилетия находящуюся в британской юрисдикции. Мы тоже этого не скрывали, даже показали в программе «Время», как аргентинские солдаты срывают британский флаг с какого-то здания в Порт-Стэнли; но почему-то во всех наших газетах события весны 1982 года до самого последнего времени упорно назывались «английской агрессией против Аргентины». Едва ли это могло способствовать лучшему взаимопониманию между нами и англичанами; а что касается аргентинцев, то они очень скоро разобрались в случившемся, отдав под суд своих генералов — подлинных виновников преступной Мальвинской авантюры. Как выяснилось, попытка решить силой оружия старый территориальный спор была затеяна военной хунтой, надевавшейся поднять свой авторитет игрой на патриотических чувствах молодежи.

Что же, наши международники не знали тогда, что власть в Аргентине захвачена реакционной военщиной? Знали, но подвела шаблонность мышления: с одной стороны, развивающаяся страна из неприсоединившихся, с другой — одна из ведущих держав НАТО; ясно, стало быть, кто тут агрессор...

Стереотипный подход к явлениям международной жизни — вот что мешает сегодня многим нашим журналистам, работающим в этой области, и, скажем прямо, порой подрывает наши же усилия по созданию в мире более благоприятного психологического климата. А пока этого климата нет — не будет и подлинной разрядки, останутся недоверие, страх, ставка на взаимное запугивание, новые и новые витки гонки вооружений.

Не могу не упомянуть и еще об одном пункте наших расхождений с Западом — расхождений не идеологических

(они неизбежны и в принципе не мешают доверять друг другу), а касающихся трактовки исторических фактов. Я имею в виду историю раскола антигитлеровской коалиции и начала «холодной войны». Все, что у нас написано на эту тему (по крайней мере, из доступного рядовому читателю) изображает события 1945–47 годов однозначно и односторонне, как противоборство между светлыми силами мира и демократии, и темными — империализма и реакции.

Понятно, что эта упрощенная схема была у нас обязательной до середины пятидесятых годов, никакой иной тогда не могло и быть. Непонятна и необъяснима ее живучесть сегодня.

Мы уже давно знаем — и не пытаемся скрыть от Запада — сколько преступных ошибок было допущено после войны во внутренней политике нашего тогдашнего правительства. Разумно ли продолжать настаивать — вопреки всякой логике — что то же самое правительство на международной арене вело в те же самые годы безукоризненно честную игру, а вся вина за послевоенный раскол мира лежит на наших бывших союзниках?

О необходимости более объективного подхода к вопросу генезиса «холодной войны» хорошо написал в журнале «Век XX и мир» публицист-международник А. Панкин: «Недостатки одного общества не извиняют пороков другого, а признание своей доли ответственности не обеляет «ту» сторону. Ведь всего-то и требуется, что вдуматься в известное марксистское положение о неразрывном единстве внутренней и внешней политики (подчеркнуто мной. Ю. С.) и признать, что если во внутреннем развитии были ошибки, искажения, то и внешняя политика не могла быть безупречной» (1987, № 7, стр.25).

Почаще хотелось бы встречать на страницах нашей периодики такие трезвые и своевременные высказывания. Оговорюсь сразу — их, возможно, больше, чем мне известно, за всем ведь не уследишь и всего не перечитаешь; но в целом складывается впечатление, что применительно к международной тематике мы еще не достигли уровня откровенности, на каком можем обсуждать теперь наши внутренние проблемы. Я понимаю, что

здесь есть своя специфика и свои сложности; и все же, убежден, «сложность» эта во многом надумана. Опираясь на некоторое знание людей Запада, могу утверждать, что в их мнении нам куда больше вредит упорная догматическая приверженность концепциям сорокалетней давности, чем повредило бы открытое признание: да, в чем-то и мы ошибались, в чем-то и мы вели себя не всегда правильно...

Могут возразить: да так ли уж нам важно «их мнение»? Все-таки, думаю, важно — если мы всерьез хотим взаимного доверия, если стремимся к разрядке не на словах, а на деле. Что касается мнимой опасности признания собственных ошибок, то ведь еще недавно считалось смертельно опасным признать существование у нас таких социальных зол, как проституция и наркомания. Сегодня эти проблемы обсуждаются открыто, открыто принимаются меры для их решения, и ничего — общество наше устояло, не пошатнулось. Вряд ли оно пошатнется и от того, что в отношениях с Западом мы сделаем еще один шаг ко взаимопониманию, отказавшись от абсурдного догмата собственной во веки веков непогрешимости. Это лишь поднимет наш престиж, укрепит позиции наших друзей и в конечном счете послужит делу мира.

Ну, а если вернуться к делам отечественным, то в заключение хочется сказать, что начальный этап перестройки трудно пока оценить однозначно на всех участках. В сельском хозяйстве и промышленности, судя по всему, положение изменяется к лучшему медленнее, чем хотелось бы; специалисты, вероятно, скажут, что иначе не могло и быть, и будут правы. Горожане еще не видят реальных плодов деятельности реформированного Агропрома — то ли их нет вообще, то ли они исчезают по пути к прилавку, сказать трудно. Здесь все загадочно. Настораживает позиция, занятая в отношении перестройки некоторыми ведомствами и министерствами (Минфин, похоже, решил стоять насмерть, как гвардия под Ватерлоо; а что, если и финал будет аналогичным?). На этом фоне, конечно, положение в области культуры выглядит куда более обнадеживающим.

Два года назад, когда все только начиналось, трудно было вообще поверить в перемены. Слова и призывы были-то, в общем, те же, что и всегда: приближать творчество к жизни, вторгаться в действительность, смелее поднимать назревшие проблемы... В самом начале семидесятых мне в руки попал интереснейший материал по экологии Каспийского моря — я зашел на корпункт «Литературки», Женя Габис при мне позвонил в Москву, оттуда ответили, что не надо пока вылезать с Каспием, и без того слишком много шума по поводу Байкала. А ведь с трибун тогда тоже призывали «смелее вторгаться», надо ли после этого объяснять, почему многие из нас поначалу скептически отнеслись к провозглашению гласности...

Я покривил бы душой, заверяя, что от того скепсиса не осталось и следа. Кое-какие сомнения еще есть — нет, не в конечном успехе перестройки. Убежден, что процесс этот необратим, мы уже перешли какую-то критическую черту, за которой нет пути вспять.

Но боюсь, что по мере углубления перемен во всех областях общественной жизни будет нарастать и сопротивление, попытки исказить и скомпрометировать реформы, пассивным саботажем свести их на-нет.

Сопротивление ощутимо уже сейчас. Нам как воздух необходима реформа издательской системы — не секрет, что существующая ныне удобна только для очень ограниченного круга лиц, принадлежащих к верхнему слою писательской иерархии. Я не уверен, что она выгодна государству чисто экономически, в смысле же культурном эта система попросту губительна. Положения, при котором начинающий автор годами не может опубликовать ни одной строчки, потому что ему негде напечататься — такого нельзя представить себе сегодня ни в одной развитой стране Запада. У нас это обыденная реальность — и не в глубинке где-нибудь, а в Ленинграде, втором по значению культурном центре «самой читающей страны мира».

Пока не будет покончено с этим национальным позором, ни о какой подлинной перестройке в литературных делах говорить не приходится. То, что уже сделано, представляет

собой огромное достижение, но это капля в море по сравнению с тем, что еще предстоит сделать. Главные редакторы получили право самим решать, что печатать, — прекрасно! Но ведь один использует это право, чтобы опубликовать «Зубра» или «Белые одежды», а другой — для того, чтобы заявить очередному автору: «вот пусть о н и вас и печатают, а я не печатал и не буду, и никто мне не указ». Поди объясни такому, что такое перестройка.

Наметился вполне реальный путь решить наболевшую проблему компромиссным путем: созданием кооперативных издательств. Есть разумное предложение для начала вернуть статус кооперативного издательству «Советский писатель». Выгоды и преимущества этого настолько очевидны, что их нечего и пояснять; но кого-то это уже не устраивает. Конкретно — кого? Госкомиздат? Или писателей из числа руководящих, которым и при старой системе хорошо? Так или иначе, кто-то уже противодействует, кто-то притормаживает, кто-то уже нашептывает об «узаконенном самиздате» — метод старый, проверенный: объявить политически сомнительным, подкапываемым под устои...

Наверное, в ряду других проблем, стоящих сегодня перед страной, литература где-то очень и очень позади. Подорванное полувековыми экспериментами сельское хозяйство, убыточная гипертрофированная промышленность, отсталое здравоохранение, неблагополучие с кадрами в науке, ведомственное разграбление природы, административная коррупция — и все неотложно, все требует решения в первую очередь. Понятно, что в сравнении с этим литература — не главное. И все же...

И все же проблемы эти решать людям, успешность решения каждой будет зависеть от качества человеческого фактора, а фактор этот будет таким, каким будет нравственное состояние общества. Та самая нравственная атмосфера, создавать которую всегда было делом литературы.

